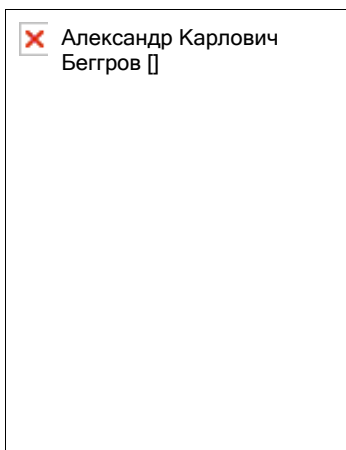

Источник: Минченков Я. Д. Воспоминания о передвижниках. "Художник РСФСР". Ленинград. 1965. Издание пятое
OCR Ловецкая Т. Ю.

Беггров был постоянно чем-то недоволен, постоянно у него слышалась сердитая нота в голосе. Он был моряк и, быть может, от морской службы унаследовал строгий тон и требовательность. В каком чине вышел в отставку, когда и где учился -- не пришлось узнать от него точно. Искусство у него было как бы между прочим, хотя это не мешало ему быть постоянным поставщиком морских пейзажей, вернее -- картин, изображавших корабли и эскадры.

Корабли он знал в совершенстве. Мачта, рея, парус, все детали паровых судов для него были привычными вещами. Критикуя каждую картину с судами, где были допущены малейшие неточности, ворчал: "Ну вот! Как этот парус поставили? Да разве так судно пойдет? Скажите, какой вздор!"

Он бойко справлялся с рисунком и акварелью, изображая городские виды, движение судов на реке, но все это носило иллюстративный характер, видна была условная умелость с трафаретной, заученной манерой письма, выработанной им за многие годы.

Жизнью современного искусства, как и делами Товарищества, он как будто совсем не интересовался. Его почти насильно подводили к картинам экспонентов при отборе для выставки. Обыкновенно он был в это время занят своими произведениями: ввинчивал кольца в рамы, завязывал веревки, протирал стекла на акварелях. У него все должно было иметь аккуратный, блестящий вид, как у вещей на корабле. Указывал на раму: "Смотрите, как сделана: двойной шип! А позолота? За стекло одно двенадцать рублей заплатил! То-то же!"

Рабочие приносили его картины завернутыми в несколько покрывал и обвязанными морскими веревками так, как будто картины отправлялись в кругосветное путешествие. И даже тут Беггров сердился: "Опять? Сколько раз я им говорил, чтоб перевязывали крестом и перекручивали веревку. Вот дураки, не понимают, что так сползти все может!"

Он был коренаст, ходил твердо, как все моряки. Лицо всегда строгое, и, если иногда засмеется на секунду, то и тогда выражение лица не изменялось, как будто смех исходил от другого. Рабочие на выставке его боялись. Он всегда находил, за что их побранить: "Ну, вот, скажите: к чему все это? Ведь, небось, дорого стоит! Что? Я давал тебе на кольца двадцать копеек, и ты все истратил? Как! За пару колец, когда им гривенник цена?" Рабочий доставал гривенник и давал сдачу. Беггров жаловался: "Они просто грабят! Скажите -- сюда гривенник, туда гривенник, и без сдачи! Жить нельзя!"

Он тратил на вещи иногда порядочную сумму, а сердился за перерасходованный пятак.

Когда не мог отделаться от баллотировки картин экспонентов, то ругал их: "Ну вот еще! Чего там ставить? Видал: все чепуха или просто дрянь. Разве так солнце пишут? Вы скажите -- оно светит? То-то же! Пуговица, а не солнце!"

-- Ну а как же надо писать? -- спрашивали его.

-- А так, чтобы светило. Надо сперва белилами, а потом прозрачной лессировкой! А то намазал грязью и -- скажите, пожалуйста, -- солнце!

Ворчал и на товарищеских ужинах, устраиваемых после собраний:

-- Кто эту ветчину покупал? В каком магазине? Где глаза были? Это что за консервы? Пожалуй,